

командиры шахских войск (у автора – «хорезмийцы», что говорит о том, что это остатки сил разбитых монголами хорезмшахов Мухаммеда и его сына Джелал-ад-дина. – Ред.) строили своих людей, граф Готье повернулся к нашим войскам и вскричал: «Во имя Божье, давайте атакуем их, потому что дали им время, пока оставались на месте!» Но никто не послушался его.

Осознав это, граф приблизился к патриарху и попросил отпущения грехов на уже объявленных условиях. Тем не менее патриарх решительно отказался даровать ему прощение. В отряде графа Готье оказался некий доблестный священнослужитель, епископ города Рамла (Рамаллах), который совершил много подвигов, будучи рядом с графом. Он сказал ему: «Пусть вас не мучит совесть оттого, что патриарх не дал вам отпущения грехов, потому что он не прав, а правы вы. Я сам даю вам отпущение во имя Отца, Сына и Святого Духа. А теперь – вперед на них!»

Они пришпорили коней и атаковали один из отрядов шаха, который стоял в арьергарде. Многие были убиты с одной стороны и с другой. Граф Готье принял участие в схватке, потому что его люди бежали в позорном беспорядке, а многие, полные отчаяния, утонули в море. Причина, по которой они потеряли надежду, была в том, что один из отрядов шаха атаковал войска султана Хомса и, защищая свою позицию, тот оставил на поле боя так много людей, что из двух тысяч турок, которых он бросил в бой, вместе с ним, когда он покинул поле боя, осталось всего двести семьдесят человек.

Думая, что султан, потерявший так много своих людей, долго не продержится, шах решил осадить врага в его замке в Хомсе. Увидев, как он приближается, султан вышел к своим воинам и сказал, что собирается выйти ему навстречу и сразиться с врагом, потому что если позволит тому обложить замок, то проиграет. Принятый план действий заключался в том, что часть его людей, у которых было самое слабое вооружение, пойдет скрытой долиной. И когда они услышат гром вражеских барабанов, то нападут на лагерь шаха с тыла и начнут убивать в нем женщин и детей.

Едва только шах вышел на равнину, чтобы сразиться с войсками султана, которые предстали перед ним, как услышал крики из лагеря и вернулся, чтобы спасти женщин и детей. Войска султана немедленно атаковали шаха и его армию, и штурм этот оказался настолько успешным, что из двадцати пяти тысяч иранцев в живых не осталось ни одного человека, ни мужчины, ни женщины; все они или погибли в бою, или были зарублены.

Еще до того, как шах решил осадить Хомс, он под стенами Яффы нанес поражение графу Готье. Иранцы прижали его к стене зубцами раздвоенного копья и сказали, что не отпустят его, пока замок Яффы не окажется в их руках. Виая в этом положении, граф крикнул защитникам замка, чтобы они ни в коем случае не сдавались, что бы с ним ни делали, а если все же сдадутся, он убьет их своими руками.

Едва только узнав об этом, шах послал графа Готье в Каир в виде подарка султану вместе с магистром храмовников и несколькими другими людьми, которых он взял в плен. Сопровождали графа в Египет примерно триста человек, которые не погибли, когда шах встретил свою смерть под Хомсом. Эти триста, которые были хорезмийцами, находились среди тех, кто атаковал нас в пятницу, когда мы были в пешем строю. Они шли в бой под красными знаменами, с флажками на пиках, на остриях которых они несли головы, скрученные из волос, которые выглядели как лики дьявола.

Несколько каирских купцов обратились к султану с просьбой, чтобы он дал им право выскать с графа Готье возмещение тех больших убытков, которые они понесли от его действий. Султан разрешил им отомстить графу. Они убили его в тюрьме, и он умер за веру (скорее за другое – слишком долго занимался разбоем и грабежом. – Ред.). Мы не сомневались, что теперь он на небесах, вместе с другими мучениками (?! – Ред.).

Теперь вернемся к основному повествованию. Султан Дамаска собрал всех своих людей, которые были в Газе, и вторгся в Египет. Против него выступили эмиры. Отряд под командованием султана разбил эмиров, с которыми сошелся в бою, но другой отряд египтян разгромил арьергард султана. После сражения султан Дамаска, получивший ранения в голову и руку, вернулся в Газу. До того как он оставил ее, египетские эмиры прислали послов, чтобы заключить с ним мир, отказавшись соблюдать те договоры, которые заключили с нами. С этого времени у нас не было ни мира, ни перемирия ни с Каиром, ни с Дамаском. Могу сказать, что все это время самое большое количество воинов, которые были в нашем распоряжении, никогда не превышало четырнадцати сотен.

Пока король стоял перед Яффой, настоятель ордена Святого Лазаря разузнал обстановку в